

Фольклорный текст в режиме диалога: к вопросу о статусе языка фольклора

Виктория А. Черванёва

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о статусе языка фольклора – теоретическая проблема фольклористики, имеющая давнюю историю, но получившая в последнее время новый ракурс в связи с расширением предметного поля фольклористики. Специфика языка фольклора традиционно определялась относительно диалекта и относительно литературного языка, причем исследователи начиная с XIX в. и до наших дней исходили из идеи наддиалектности языка фольклора, видя в нем своеобразный аналог литературного языка носителей диалекта. Однако наблюдения над языковой организацией прозаических текстов устной традиции с установкой на достоверность (мифологические рассказы, предания, поверья, описания ритуальных практик и др.) показывают, что к ним неприменимы эти теоретические выкладки. Язык этих текстов представляет собой повседневную разговорную (диалектную, просторечную или литературную) речь носителей фольклорной традиции, функционирующую в режиме диалога и обладающую всеми структурными признаками спонтанной разговорной речи. В статье предлагается разграничить «язык фольклора» и «язык фольклорной традиции», при этом под первым понимается вербальная сторона фольклорных текстов жанров традиционного фольклора (песен, былин, сказок и т. д.) – структурно упорядоченных, «отшлифованных» многократными повторениями в процессе передачи, с четко выраженной эстетической функцией, а под вторым – язык повседневной коммуникации носителей традиции, в рамках которой появляются и существуют тексты, эксплицирующие традиционное знание.

Ключевые слова: язык фольклора, разговорная речь, коммуникативная ситуация, устная проза, мифологические рассказы

Для цитирования: Черванёва В.А. Фольклорный текст в режиме диалога: к вопросу о статусе языка фольклора // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 2. С. 72–87. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-2-72-87

Folk text in dialogic mode: On the status of the language of folklore

Victoria A. Chervaneva

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;
viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The status of the language of folklore is a theoretical problem of Folklore Studies that has a long history, but it has become even more relevant recently due to the expansion of the Folklore Studies research field. Traditionally, characteristic features of the language of folklore were defined in relation to dialect and literary language, and the researchers supposed that the language of folklore is supradialectal phenomenon, like the literary language of dialect speakers. However, observations of linguistic organization of oral prose with a focus on reliability (mythological stories, etc.) show that these theoretical approaches are not applicable to such texts. The language of these texts is the colloquial (dialect, vernacular, or literary) speech existing in a dialogic mode and possessing all the structural features of spontaneous colloquial speech. The article suggests to distinguish between “the language of folklore” and “the language of folk tradition”, that is, the language of the genres of traditional folklore (songs, epics, fairy tales, etc.) – structurally ordered, “polished” by numerous repetitions in the process of transmission, with a clearly expressed aesthetic function, and the language of everyday communication in which texts expressing traditional knowledge emerge and exist.

Keywords: language of folklore, colloquial speech, communicative situation, oral prose, mythological stories

For citation: Chervaneva, V.A. (2020), “Folk text in dialogic mode: On the status of the language of folklore”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 2, pp. 72–87, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-2-72-87

В последние годы, благодаря изменению теоретической парадигмы фольклористики, а также благодаря современным высоким техническим возможностям записи полевых материалов, в орбиту исследований оказались вовлечены явления, до недавнего времени находившиеся за пределами этой области знаний. В частности, это касается устной прозы с установкой на достоверность, которую в советской фольклористике, со свойственной ей искусствоведческой трактовкой фольклора, было принято рассматривать всего лишь как «материалы для анализа истоков развития процесса фольклорного творчества», как «начальные стадии фольклорного

процесса» [Бараг 1972, с. 139], а не сами фольклорные явления. Сейчас же объектом исследований фольклористов являются не только сюжетные тексты (былички, легенды, предания), но и вообще все формы вербального выражения традиции (описания ритуальных практик, традиционные запреты и предписания, поверья, мотивировки обрядовых действий и мифологических представлений, автобиографические, семейные нарративы и т. д.).

Утверждение такого широкого понимания фольклора – как «явлений и фактов вербальной духовной культуры во всем их многообразии» [Путилов 1994, с. 24] – стало общепризнанным положением в современной фольклористике. И в такой ситуации становится очевидным, что некоторые теоретические вопросы, которые разрабатывались несколько десятилетий назад в рамках прежней теоретической парадигмы, нуждаются в корректировке, в частности вопрос о статусе языка фольклора в системе национального языка.

Эта проблема имеет довольно давнюю историю в науке – она была намечена еще в XIX в. в трудах А.А. Потебни, А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского. В 40–50-е гг. XX в. возник новый всплеск интереса к этой теме – этот этап связан с именами П.Г. Богатырева, А.П. Евгеньевой, И.А. Оссовецкого, А.В. Десницкой и др. Во второй половине XX – начале XXI в. проблема языка фольклора обсуждалась в работах Е.Б. Артеменко, А.Т. Хроленко, С.П. Праведникова.

Традиционно проблема языка фольклора как особого языкового образования в системе общенационального языка решалась в двух аспектах – специфика языка фольклора определялась, во-первых, относительно диалекта и, во-вторых, относительно литературного языка. Почему именно так ставился вопрос, очевидно. Поскольку фольклор традиционно рассматривался как творчество прежде всего патриархального земледельческого сообщества (крестьян), то естественно, что диалект как используемая в крестьянской среде форма национального языка признавался языковой основой, «материальной базой» фольклорных произведений. Что же касается параллелей языка фольклора с литературным языком, то они обусловлены свойственным классической и советской фольклористике подходом к фольклору как к художественному творчеству.

В рамках такого подхода и давались определения языку фольклора: это «диалект в его эстетической функции» [Богатырёв 1973, с. 106], «диалект в его художественной функции» [Оссовецкий 1958, с. 190], литературная форма народных говоров [Евгеньева 1963, с. 17; Оссовецкий 1952, с. 97], «своеобразная форма устно-литературного выражения» [Виноградов 1978, с. 185],

«функционально-стилевая разновидность диалекта» [Праведников 2011, с. 10].

Несмотря на то что определения языка фольклора даются в связи с диалектом и относительно диалекта, исследователи этого феномена говорили о его наддиалектном характере, хотя и видели основание этого феномена в различных явлениях. Считая диалект базой устного народного творчества (поскольку сказитель пользуется средствами своего диалекта), они признавали, что языковую сторону фольклора, особенно наиболее обработанные элементы, стихотворные тексты, характеризуют значительные выходы за пределы диалекта. В чем же они состояли?

И.А. Оссовецкий и А.П. Евгеньева видели их в употреблении тропов (символов, метафор, сравнений, гипербол и т. д.), а также специфически фольклорных языковых средств – инфинитивов на *-ти*, полипрефиксальных глаголов, кратких атрибутивных прилагательных, сочетаний с постоянными эпитетами, синонимических и тавтологических сочетаний, параллелизмов и т. п. Как пишет А.П. Евгеньева, народные мастера по творческой интуиции ориентировались в системе местного говора на элементы, лишенные узколокальной ограниченности и потому наиболее совершенные, типические. Это делает язык фольклора обработанным образованием, противопоставленным разговорно-диалектной речи, и позволяет рассматривать его как аналог литературного языка в системе диалекта [Евгеньева 1963, с. 17; Оссовецкий 1952, с. 97].

Е.Б. Артеменко в своих работах по синтаксису и текстообразованию народных песен также развивает тезис о языке фольклора как обработанном феномене и наддиалектном образовании [Артеменко 1977, с. 3–27; Артеменко 1988, с. 11–23]. Е.Б. Артеменко доказала, что язык фольклора (а этим термином она называла, по сути, язык народной поэзии) наддиалектен прежде всего потому, что по всем своим структурным признакам это, в отличие от диалекта, не разговорная речь. В языке устнопоэтических произведений преодолеваются свойственные разговорной речи спонтанность и конситуативность, т. е. зависимость высказывания от ситуации речи. Синтаксис песни представляет образец обработанной речи, кроме того, это структурно полный тип речи, в отличие от речи разговорной.

Более того, синтаксические особенности песенного текста, имеющие разговорно-речевой генезис, были творчески освоены в этом жанре и преобразованы в художественные приемы. Например, свойственная разговорной речи тенденция к предикативному отражению явлений действительности (когда каждое речевое высказывание представляет собой предикативную единицу) проявилась в песне таким образом: песенный стих структурно автоно-

мен и в большинстве случаев обладает признаками предикативной единицы, т. е. оформлен как самостоятельное предложение (в 82% случаев в протяжных песнях, в 73% – в частых песнях).

В тех случаях, когда условия контекста не позволяли реализовать такую структуру, эта особенность в народной песне дала начало целому ряду художественных приемов, поддерживающих синтаксическую полноту песенной строки, – это различные формы повторов, организующих песенный текст (параллелизм, позиционный повтор, концентрирующий повтор, цепной повтор, межстиховая атрибуция). Так, в примере приема межстиховой атрибуции:

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла,

определение *кудрявая* является субститутом подлежащего *береза* и поддерживает предикативность второго стиха, обеспечивая единство восприятия его предикативной структуры.

Е.Б. Артеменко описала систему художественных приемов, создающих структурную полноту песенного текста, которой нет в диалектной разговорной речи [Артеменко 1977]. Именно это, по ее мнению, и обуславливает подлинную наддиалектность языка фольклора и его выход за пределы диалектно-речевого строя в целом.

Однако следует признать, что все приведенные теоретические выкладки справедливы только в отношении фольклорных текстов определенного типа – структурно упорядоченных (как правило, стихотворных), «отшлифованных» многократными повторениями в процессе передачи, с четко выраженной эстетической функцией, т. е. текстов устного художественного творчества, для которых характерно создание своего художественного мира, отличного от ситуации речи (например, песен, былин, сказок). Собственно, ученые делали свои выводы, основываясь именно на таком материале. Наблюдения над языковой организацией прозаических текстов устной традиции с установкой на достоверность (мифологических рассказов, преданий, поверий, описаний ритуальных практик и др.) показывают, что эти выводы для них нерелевантны.

В чем я вижу противоречия и несоответствие тому, что было написано по проблеме языка фольклора до настоящего момента? Таких противоречий два.

Во-первых, в науке давно изменилось представление о социальном субстрате фольклора. Современных фольклористов интересует вербальная традиция не только сельских жителей, но и других, самых разных слоев населения, а значит, говорить о диалекте как базе языка фольклора уже нельзя. Можно, видимо, определять

специфику языка фольклора относительно разговорной речи как таковой, которую образует совокупность таких форм национального языка, как устный литературный язык и нелитературные формы речи – диалекты, просторечие, жаргоны.

Во-вторых, современный подход к определению границ фольклора (расширение источниковой базы фольклористики, рассмотрение как фольклорных фактов устных прозаических текстов с установкой на достоверность, включенных в повседневную коммуникацию носителей традиции, без выраженной эстетической функции) ставит под сомнение тезис о языке фольклора как обработанном феномене – аналоге литературного языка, наддиалектном и стоящем над или за пределами разговорной речи.

Полагаю, что следует говорить об иной сущности и ином статусе языка таких текстов – в общем и целом это повседневная разговорная (диалектная, просторечная или литературная) речь носителей фольклорной традиции, функционирующая в режиме диалога и обладающая всеми структурными признаками спонтанной разговорной речи. Ключевые признаки разговорной речи (спонтанность и конситуативность) в этих текстах всегда проявляются. Вообще присутствие говорящего в тексте (в формах местоимений, личных формах глаголов, в обозначениях времени и места, в различного рода модальных словах и др.) – это обязательное свойство разговорной речи как таковой. И именно это можно наблюдать в устной достоверной прозе.

К этому выводу меня привел сопоставительный анализ дейктических¹ единиц в мифологических и автобиографических нарративах и в сказочных текстах. Материалом исследования дейктиков послужили корпуса текстов повествовательного фольклора: былички из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (АЛФ РГГУ), корпус устных биографических нарративов (Матл.–Чер.²), волшебные сказки из сборника А.Н. Афанасьева (Аф.³, № 92–307), корпус сказок-быличек о мертвецах из нескольких сборников ска-

¹ Дейксис – это «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» (*Виноградов В.А.* Дейксис [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/128d.html> (дата обращения 15. 10. 2019)).

² *Матл.–Чер.* – Голод 1941–1945 гг. в устных рассказах русского сельского населения Ульяновского Поволжья / Сост., вступ. ст. М.Г. Матлина, М.П. Чередниковой. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2017.

³ Аф. – *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. 6-е изд. М., 1957.

зочного фольклора (Аф., № 351–363, Азб.⁴, № 266–276, Зелен.⁵, № 61, 97а; Худ.⁶, № 104, 122; Онч.⁷, № 39, 40, 45, 113, 120, 152, 169, 224, 247, 285). На примере употребления в тексте дейктических, т. е. указательных, слов – маркеров ситуации *здесь* и *сейчас* – можно показать степень автономности текста от ситуации его произнесения, от речевого акта.

В современной лингвистике разговорной речи установлено, что лексемы *здесь* и *сейчас* специализированы в языке для обозначения места говорящего в момент речи и самого этого момента. Такой режим использования языковых единиц предполагает нахождение говорящего и слушающего в одном времени и пространстве в зоне взаимной видимости. Это нормальная, естественная для языка коммуникативная ситуация, и потому ситуация разговорного диалога получила название канонической [Lyons 1977, p. 637; Падучева 1996, с. 259]. В этой ситуации вся пространственно-временная ориентация в тексте осуществляется относительно говорящего и момента речи.

В рамках же неканонической ситуации (когда отсутствует непосредственный контакт говорящего и адресата – например, в письменном нарративе) дейктические единицы ведут себя иначе – центром пространственно-временной ориентации текста становится заместитель говорящего – повествователь или же персонаж текста. Этот режим интерпретации языковых средств называется *нарративный* [Падучева 1996, с. 265–271; Успенский 2011].

Сравним характер употребления дейктиков в указанных корпусах устной прозы.

Лексема *здесь* встречается в корпусе АЛФ РГГУ 79 раз на 124 508 слов, что составляет частотность 634,5 ipm⁸. Это значение близко к общеязыковым характеристикам частотности лексемы *здесь* – 796,8 ipm, хотя в живой устной речи показатели значительно выше – 1311,6 ipm⁹.

⁴ Азб. – Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1992. (Б-ка русского фольклора; Т.12)

⁵ Зелен. – Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Сб.: С прил. 12 башкир. сказок и одной мещеряк. / [Соч.] Д.К. Зеленина. Пг., 1914.

⁶ Худ. – Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.

⁷ Онч. – Ончуков Н.Е. Северные сказки. СПб., 1998.

⁸ ipm – общепринятая в мировой практике единица измерения частотности, которая представляет собой число употреблений на миллион слов корпуса (ipm – instances per million words).

⁹ По данным Частотного словаря современного русского языка: (Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского

Наблюдения показывают, что лексема *здесь* в мифологических рассказах употребляется таким же образом, как и в разговорной речи, а именно: *здесь* всегда соотносит текст с ситуацией его произнесения, всегда обозначает место, где происходит беседа, – населенный пункт, местность или конкретный локус. Это слово всегда употребляется в контекстах первичного, т. е. разговорно-речевого дейксиса, часто в сочетании с указательным жестом.

У мене после того сын помер сразу. И перед этим мне давало опыт. Вот сижу я **здесь** на диване. Вдруг вот там, в углу, потолок зашумел, как будто он вот с шумом падает на пол. <...> Там как треснуло в углу и повалился потолок. И вот этак не один раз. Перекрестилася и больше ницево (АЛФ РГГУ, инф. ВАГ, Кречетово–Шильда–Григорьево, 1996).

И вот в это время папа **здесь** жил, в деревне, и он видит сон, её, вернее, видит, бабушку во сне, мать свою. И она его к себе зовёт (АЛФ РГГУ, инф. СЛН, Труфаново–Кукли, 1998).

Аналогично и в устных биографических нарративах *здесь* встречается в речи повествователя, а не в прямой речи персонажей (в 100% случаях), все примеры репрезентируют значение ‘в этом месте’ – населенном пункте, где и происходит экспликация и запись текста. Ср.:

Вот сестра у нас жила. У ней муж-от ушёл на фронт, а она с девчонкой **здесь** же жила, у нас с мамой (Матл.–Чер., № 5).

Вилы, солому метали, в омет складывали. Чего мы **здесь** работали? У нас заводов, фабрик нет **здесь**. Пахали (Матл.–Чер., № 8).

И в этом состоит существенное отличие от сказок, где речевой режим употребления наречия *здесь* возможен только в рамках прямой речи персонажей. В волшебных сказках из сборника Афанасьева встречается и нарративное употребление *здесь* в партии повествователя (для обозначения места в ситуации, не совпадающего с локализацией говорящего, сказителя) – правда, всего лишь в 5 примерах из 137 употреблений в корпусе (остальные 132 примера представляют употребление слова в прямой речи персонажей). Ср.:

языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 15.10.2019).

Приходит к другому дому; двери знает, как искать; вошел в дом, а тут его мать, обнялись, поплакали. Он и **здесь** испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов (Аф., № 156).

Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи сымать да ремни резать; из тех ремней канат свили – да такой длинный, что один конец **здесь**, а другой на тот свет достанет (Аф., № 161).

Они сели, и царь-медведь принес их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду **здесь** пусто, никто не живет (Аф., № 201).

Не стал долго толковать с нею орел, подхватил охотника и полетел к средней сестрице; ну, и **здесь** случилось то же самое (Аф., № 221).

Марку Богатому случилось ехать в иное государство за получением долгов – на годичное время, и заехал он по пути в монастырь. **Здесь** его встретили как человека богатого (Аф., № 305).

В корпусе сказок-быличек слово *здесь* встречается исключительно в прямой речи персонажей:

Ехали, ехали; приезжают в лес, запутались. Видят вдали огонь. Приехали туда; стоит там дом огромный такой... Только один старичок по горнице ходит... «Кто, говорят, **здесь** живет?» – «Охотники!» (Худ., № 122).

Кучер подходит: «Вы што **здесь** делаете?» – «А вот мы доктора, собираем светки на лекарство; из этих съветков мы всякие лекарства делаем» (Зелен., № 61).

Повествователь в сказках-быличках, как видим, избегает использовать *здесь* в нарративном режиме – с точки зрения персонажа, однако при этом, в отличие от быличек, не эксплицирует свое местоположение в момент рассказа. Хронотоп рассказчика и описываемых событий в сказке-быличке не совпадают и не имеют точек пересечений.

* * *

Особенности временного дейксиса в устных нарративах будут рассмотрены на материале примеров употребления лексемы *сейчас*. По данным Большого толкового словаря русского языка

С.А. Кузнецова¹⁰, слово *сейчас* имеет в языке целый ряд значений: 1) в настоящий, в данный момент; 2) в настоящее время, теперь; 3) только что (о прошедшем действии, событии); 4) в самом скором времени, скоро (о предстоящем действии, событии); 5) немедленно, в тот же момент, сразу; 6) в непосредственной близости, рядом. Выбор именно этого слова для анализа продиктован его семантикой, обусловившей его употребление как основного средства темпорального дейксиса в языке – для обозначения момента речи. В корпусе АЛФ РГГУ насчитывается 75 случаев употребления этого слова (включая фонетические варианты *сичас*, *щас*, *щаз*) на 124 508 слов, что составляет частотность 602,4 ipm.

Как указывает Ю.Д. Апресян, традиционно в лингвистике «временной дейксис описывается с помощью трех понятий: времени данной речи (speech time), времени события (event time) и точки отсчета во времени (reference time)» [Апресян 1995, с. 632]. В мифологических рассказах такой точкой отсчета времени, как показывает анализ, в подавляющем большинстве случаев оказывается момент речи – наибольшее количество примеров употребления лексемы *сейчас* репрезентирует именно этот смысл и соотносится с настоящим актуальным временем экспликации текста. Более того, как правило, практически всегда употребление лексемы *сейчас* никак не связано с событием текста – это временное обозначение относится к попутным замечаниям относительно нынешнего, синхронного с моментом речи положения дел.

Хорошо иллюстрируют эту особенность примеры, репрезентирующие первое значение наречия *сейчас* ('в настоящий, в данный момент'). Таким событием становится то, что происходит в момент беседы – обычно это процесс воспоминаний рассказчика («как **сейчас** помню/вижу/чувствую»). Описываемое же событие нарратива при этом представляется как точка в прошлом. Ср.:

Стал ближе подъезжать – конь ни в какую, аж на дыбы, а этот дядька так все по лесу идёт кругом пожни, выше деревьев. Деревья какие выше, а он выше деревьев. Вот, как **сейчас** помню, была маленькая, так он в башлыке большом (АЛФ РГГУ, инф. АВЗ, Печниково–Ватамановская, 1997).

...и вот мужик стоит в поле и небольшой такой кустик, он высокий такой, в рабочей одежде – я как **щас** вижу – и говорит... и стоит, улыбается (АЛФ РГГУ, инф. УГС, Бор–Филино, 1996).

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Вот пришли, сели, покурили, сосна лежит, как **щас** запомнил, сосна лежит поперёк [нрзб.], люди садица, идём, идём, смотрим, опять туда пришли (АЛФ РГГУ, инф. ПВГ, Лядины–Фоминская, 1997).

Наречие *сейчас* во втором значении ('в настоящее время, теперь') служит для отсылки к актуальной речевой ситуации, которая мыслится включенной в довольно длительный промежуток времени, понимаемый как настоящее, нынешнее время. Это самое частотное значение лексемы в мифологических нарративах (42 употребления), оно наблюдается в контекстах, соотнесенных с ситуацией беседы и не имеющих отношения к событию текста.

Так она так спугаласи, с испугу у ней. И она с тех пор так стала заикаться, вот так она напугалася, спугаласи, что другого слова и выговорить не могла. **Сейчас**-то уж ей-то нету живой-то, она умерла. И всё время заикалась (АЛФ РГГУ, инф. ПВА, Лекшма–Барановская, 1998).

Вот сгорел садик, садик-то за нашим домом был, **сейчас**-то он в новом здании (АЛФ РГГУ, инф. ФАА, Печниково, 1997).

Вот **сейчас** научно объясняют, что какая-то подземная река течёт, проваливается. А вот тогда-то мне мама рассказывала такую сказку – не сказку – я не знаю. В общем на самом деле интересная она (АЛФ РГГУ, инф. ЛТБ, Печниково–Красниковская, 1997).

Сейчас в третьем значении ('только что') и в четвертом ('в самом скором времени') обозначает ближайшее прошлое и ближайшее будущее соответственно. Эти значения представлены небольшим количеством примеров (по 8 употреблений на каждое значение). Ср.:

[Может ли хозяин не любить беременную женщину?] Да, это тоже слыхала, что может не понравиться, если. Даже вот **щас** рассказывали, что если, например, ещё бывает, что домовой если не полюбит хозяйку, то может выжить её из дома (АЛФ РГГУ, инф. ЛТБ, Печниково–Красниковская, 1997).

Он [леший] захохотал: «**Щас** твоя лошадь будет». И скрылся, я смотрю, лошадь бежит, я поймать её не мог (АЛФ РГГУ, инф. ПАС, Лядины–Рубцово, 1997).

Анализируя рассмотренные выше дейктические значения наречия *сейчас* (первые четыре значения лексемы), Е.В. Падучева установила, что все они допустимы в речевом режиме интерпре-

тации дейктических элементов, то есть в канонической ситуации, когда *сейчас* указывает на совпадение временной точки с моментом речи [Падучева 1996, с. 271].

В пятом значении ('немедленно, в тот же момент, сразу') *сейчас* мало употребляется в корпусе (4 примера) и служит для обозначения скорости процессов. Шестое значение ('в непосредственной близости, сразу за чем-л., рядом') пространственное, а не временное, и представлено оно лишь одним примером.

Таким образом, судя по употреблению временной характеристики *сейчас*, в устных мифологических нарративах наблюдается дейксис разговорной речи.

В устных биографических нарративах употребление дейктика *сейчас* аналогично тому, что наблюдается в быличках. С помощью *сейчас* во всех примерах осуществляется отсылка ко времени, синхронному с моментом речи, по отношению к которому событие текста оказывается в прошлом:

Это не то, что **сейчас, сейчас** жаловаться нечего. Да ведь есть, милая, какие **сейчас**: двоих детей наживут и уже кричат, что кормить нечем. Нет, милая, они тогда бы пожить попробовали (Матл.–Чер., № 1).

Ну, правда, отвезёшь [хоронить] – кто на чем. Так отвязут, безо всякого. Ведь **сейчас** похороны вон какие! А это отнясут, зароят, да и всё. Ни помину, ничего не было (Матл.–Чер., № 5).

Сейчас-то вот красота. Я вот и говорю молоденьким: «Хоть бы не было войны только. Не пострадали бы. Вы хоть бы жили». Мы не жили. Чего вот я видала? Чего я жила? (Матл.–Чер., № 6).

В сказках дейктическая организация принципиально иная, отличная от дейксиса устных мифологических и биографических нарративов. В сказках не отражается ситуация речи – в них моделируется особый хронотоп, отделенный от участников фольклорно-творческого процесса, и это находит отражение в употреблении дейктических единиц. Наречие *сейчас* в сказках используется только в значении 'сразу же, быстро' как в речи повествователя, так и в прямой речи персонажей:

Приходит государь, собор сготовлен, и **сейчас** ему отвел дочь Настасию; благословил ю замужно, при освящении церкви их обвенчали (Онч., № 169).

Пошел племянник к королю. **Сейчас** король к нему вышел (Худ., № 122).

А солдат и говорит: «А что, вы разве заодно бьете людей?! **Сейчас** донесу полиции!..» (Азб., № 270).

Таким образом, временной дейксис сказки не связан с актуальной ситуацией речи.

На основании проведенного анализа действительских единиц – пространственно-временных маркеров ситуации – становится очевидно, что устные рассказы-мемораты с установкой на достоверность как мифологического, так и автобиографического содержания организованы как разговорная речь.

Наречия *здесь* и *сейчас* – яркие показатели присутствия в тексте говорящего, его позиции, и потому вполне закономерно их тяготение к диалогическим контекстам. В сказках совершенно очевидна тенденция использования этих слов прежде всего в прямой речи персонажей. Отсутствие примеров употребления *здесь* и *сейчас* в речевом режиме – как маркеров времени и места речевого акта – в речи сказочного повествователя свидетельствует об автономности сказочного текста от ситуации речи. Абсолютное же преобладание дейктиков *здесь* и *сейчас* в партии рассказчика в мифологических и биографических нарративах объясняется тем, что в этих жанрах весь текст грамматически представляет собой прямую речь – речевое высказывание говорящего в канонической коммуникативной ситуации. На уровне вербальной ткани устная достоверная проза представляет собой одну из форм повседневной коммуникации, и это обстоятельство необходимо иметь в виду при концептуализации языковых основ устной традиции.

Очевидно, что вопрос о статусе языка фольклора напрямую связан с пониманием границ фольклора, с тем, что мы считаем фольклором. По краткому теоретическому обзору в начале статьи уже ясно, что языком фольклора исследователи называли вербальную сторону тех жанров, которые они изучали. Следует отметить, что все, что было написано в лингвофольклористике по этой проблеме, по сути, касается только языка художественного фольклора. Полагаю, что при разработке этой проблематики в дальнейшем необходимо учитывать и разграничивать понятия: во-первых, «язык художественного фольклора» (язык текстов структурно упорядоченных, «отшлифованных» многократными повторениями в процессе передачи) и, во-вторых, «язык фольклорной традиции», понимая под последним язык повседневной коммуникации носителей традиции, в рамках которой появляются и существуют тексты, эксплицирующие традиционное знание, традиционную культурную информацию в канонической речевой ситуации, в условиях непосредственного общения.

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 1995. 769 с.
- Артеменко 1977 – *Артеменко Е.Б.* Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: ВГУ, 1977. 160 с.
- Артеменко 1988 – *Артеменко Е.Б.* Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: ВГУ, 1988. 174 с.
- Бараг 1972 – *Бараг Л.Г.* Об устных рассказах, записанных в последние годы // Русский фольклор. [Т.] 13: Русская народная проза. Л.: Наука, 1972. С. 139–147.
- Богатырев 1973 – *Богатырев П.Г.* Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 106–116.
- Виноградов 1978 – *Виноградов В.В.* Избранные труды: История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 326 с.
- Евгеньева 1963 – *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 348 с.
- Оссовецкий 1952 – *Оссовецкий И.А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93–112.
- Оссовецкий 1958 – *Оссовецкий И.А.* Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 172–190.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Праведников 2011 – *Праведников С.П.* Территориальная дифференциация языка русского фольклора: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Курский гос. университет, 2011. 42 с.
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.
- Успенский 2011 – *Успенский Б.А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
- Lyons 1977 – *Lyons J.* Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. 897 p.

References

- Aprésyan, Yu.D. (1995), *Izbrannyye trudy. Tom 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral language description and systemic lexicography], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.

- Artemenko, E.B. (1977), *Sintaksicheskii stroi russkoi narodnoi liricheskoi pesni v aspekte ee khudozhestvennoi organizatsii* [Syntactic structure of Russian folk lyrical song in the aspect of its artistic organization], Voronezh State University, Voronezh, Russia.
- Artemenko, E.B. (1988), *Printsipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniya* [Principles of folk song formation], Voronezh State University, Voronezh, Russia.
- Barag, L.G. (1972), “On oral stories recorded in recent years”, *Russian folklore*, [vol.] 13, pp. 139–147.
- Bogatyrev, P.G. (1973), “The language of folklore”, *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 106–116.
- Evgen'eva, A.P. (1963), *Ocherki po yazyku russkoi ustnoi poezii v zapisyakh XVII–XX vv.* [Essays on the language of Russian oral poetry in the records of the 17th – 20th centuries], USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad, Russia.
- Lyons, J. (1977), *Semantics*. Vol. 2. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Ossoveckii, I.A. (1952), “On the study of the language of Russian folklore”, *Topics in the study of language*, no. 3, pp. 93–112.
- Ossoveckii, I.A. (1958), “The language of folklore and dialect”, in Vinogradov, V.V. and others (eds.), *Osnovnye problemy jeposa vostochnykh slavjan*, [Primary problems of the epic of the Eastern Slavs], USSR Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 172–190.
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of time and aspect in Russian Language. Semantics of narrative], *Jazyki russkoj kul'tury*, Moscow, Russia.
- Pravednikov, S.P. (2011), Territorial differentiation of the language of Russian folklore, Abstract of D. Sci. dissertation, Russian language, Kursk State University, Kursk, Russia.
- Putilov, B.N. (1994), *Fol'klor i narodnaja kul'tura* [Folklore and folk culture], Nauka, St. Petersburg, Russia.
- Uspenskij, B.A. (2011), “Deixis and secondary semiosis in the language”, *Topics in the study of language*, no. 2, pp. 3–30.
- Vinogradov, V.V. (1978), *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo jazyka* [Selected works. History of literary Russian language], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе:

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; *viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; *viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*